

Людмила Лаврова

Я С ТОБОЙ!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Лаврова, Людмила.

Л13 Я с тобой! / Лаврова Людмила. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — («Лидер Рунета»).

ISBN 978-5-17-173583-8

«Я с тобой!» — это не просто фраза. Это тихое присутствие рядом, когда опускаются руки. Это теплая шерсть под ласковой рукой в самый тревожный вечер. Это взгляд, в котором все понятно без слов: «Я тебя понимаю».

Кошки и собаки — не просто домашние любимцы, это настоящие спутники жизни. Они чувствуют больше, чем способны сказать люди. Знают, когда подойти и молча положить голову на колени, направив свой преданный взгляд на вас. Когда весело прыгнуть на подушку, возвращая в дом смех. Когда быть рядом — просто быть, не требуя ничего взамен. Когда просто погладить своей лапкой, чтобы унять душевную боль.

Вторая книга цикла продолжает нежные, светлые истории о людях и животных, встретивших друг друга в нужный момент. В первой книге они только просили: «Возьми меня с собой!» — и были услышаны. А теперь они здесь. Рядом. Всегда.

Каждая история в этой книге — это ода любви, доверию и той крепкой невидимой нити, которая соединяет человека и животное. Герои книг переживают разные испытания: одиночество, потери, разочарование, но рядом с ними всегда кто-то из пушистиков, кто словно шепчет своим видом, своей верностью: «Я с тобой!»

Эта книга для всех, кто хотя бы раз в своей жизни чувствовал: настоящая приязанность не нуждается в доказательствах. И иногда достаточно просто знать — ты не один.

Счастье приходит на четырех лапах и остается с тобой! Навсегда...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-173583-8

© Лаврова Л. текст, 2025.
© ООО «Издательство АСТ», 2025.

Беседка

— Это что за безобразие, Алексей Иванович? Что вы тут устроили? Здесь же дети гуляют! А у вас гвозди валяются, инструмент всякий! Вам делать больше нечего? Так посидели бы, газетку вон почитали, как другие, или в домино сыграли бы! А вы устроили непонятно что во дворе!

Вероника Матвеевна, пылая праведным гневом, отчитывала невысокого мужчину, который, не обращая на нее ни малейшего внимания, продолжал шлифовать доску. Другие лежали рядом, ожидая своей очереди.

— Я, кажется, с вами разговариваю?! — Вероника Матвеевна начала терять терпение. — Это, в конце концов, просто невежливо, так вести себя с женщиной.

Алексей Иванович вздохнул, отставил в сторону готовую доску и спросил:

— Вероника Матвеевна, если память мне не изменяет, то у Гриши занятия через две минуты. А вы еще во дворе. Не опоздаете?

Женщина испуганно ахнула, глянув на часы, и поспешила к подъезду, тут же забыв о соседе и его непонятных делах. Внук ее жил по жесткому расписанию и отступить от него было сродни катастрофе вселенского масштаба. Особенно в той части, где дело касалось скрипки. Гриша, который скрипку терпеть не мог, пытался бунтовать, но бабушка была непреклонна:

— С твоими способностями ты можешь стать гениальным музыкантом. И потом мне скажешь спасибо за то, что я настаивала.

Расписание Гришиных занятий знали все соседи, так как Вероника Матвеевна очень гордилась своим талантливым внуком.

Гриша благодарить бабушку не спешил, но, стиснув зубы, пилил по нервам всему двору свои гаммы и дрался с пацанами, которые поднимали его на смех всякий раз, как он выходил во двор.

— Гришка! Беги домой! Пять минут осталось! Бабушка зоругает!

Вот и сейчас ему очень хотелось пойти во двор и помочь Алексею Ивановичу, но, точно зная, что скажет по этому поводу бабушка, Гриша только вздохнул, отошел от окна и принялся настраивать инструмент.

Ему сейчас было вдвойне обидно, что придется заниматься вместо того, чтобы пойти во двор, ведь идея, над которой трудился сейчас сосед, была его, Гриши. С месяц назад болтаясь по двору, он увидел Алексея Ивановича, который сидел на скамейке, низко опустив голову, и вид у него был такой, что Гриша не раздумывая подошел и спросил:

— Вам плохо?

Алексей Иванович не ответил. Он так и продолжал сидеть, никак не реагируя на мальчика, а Гриша только сейчас заметил, что в руках у соседа поводок, а собачки, маленького Чарлика, который был похож на что угодно, только не на собаку, рядом нет.

— А где ваш Чарлик? — невольно вырвалось у Гриши, и Алексей Иванович вздрогнул, а потом поднял голову.

Объяснять больше ничего не надо было. Гриша и так все понял. Чарлик был старенький. Его завела когда-то жена Алексея Ивановича, чем насмешила всех соседей и мужа просто до слез.

— Собака? Это собака?

Глядя на нелепое тонконогое, дрожащее, тщедушное существо, хохотали все вокруг.

И только Нина Петровна, хозяйка Чарлика, не смеялась над своим питомцем. И запретила это делать мужу. Она гордо выносила «на травку» своего грозного охранника и глубоким контролем вещала на весь двор:

— Лучшего мужчины в моей жизни не было! Внимательный, ласковый, глаз с меня не спускает! Мечта любой женщи-

ны! А вы — завидуйте молча! Не всякой в моем возрасте выпадает столько внимания и ласки!

Алексей Иванович посмеивался, стоя рядом с женой.

— Блоха! Ха-ха!

Нина Петровна брала на руки Чарлика и показывала мужу язык:

— Мелко, мой дорогой! Мелко!

И в этом коротеньком разговоре было столько теплоты, что соседи невольно расцветали улыбками, ведь все знали историю этой пары.

Со своим мужем Нина Петровна познакомилась в военном госпитале, где работала старшей медсестрой. Она плыла по коридору, покрикивая на медсестричек, которые, по ее мнению, не торопились исполнять свои обязанности, когда столкнулась с зареванной, растрепанной пожилой женщиной. Та привалилась плечом к стене и плакала так, что дрогнуло даже суровое сердце Нины.

— Что такое? Что это за водопад? Чем я могу помочь?

Женщина подняла на нее глаза, и Нина поразилась, насколько они были глубокими, черными как ночь и глубокими как омут.

— Сын... Там сын мой... Жить не хочет... А я ничего сделать не могу... Он меня не слушает...

Женщина еще что-то говорила, но Нина уже махнула сестрам, чтобы принесли воды, а сама шагнула в палату, прикрыв за собой дверь. Этот бокс был на двоих, и она точно знала, что здесь пока только один пациент.

Нина смотрела на мужчину, который лежал на кровати, уставясь в потолок, и размышляла.

Из тяжелых, значит... Так в их отделении называли не тех, кто пострадал от ранения или перенес сложную операцию, а тех, кто отказывался бороться за жизнь. С такими пациентами было сложнее всего, ведь многое зависит от того, как человек будет бороться за то, чтобы встать на ноги.

Только этому пациенту на ноги становиться не придется... Точнее, если и придется, то только на ту, которая уцелела. Нина присмотрелась повнимательнее, а потом сделала шаг к кровати и загремела:

— Что? Плохо тебе? Разлегся тут! Жалеет себя! А мать не жалеешь? Все глаза выплакала! Думаешь, герой? Нет, милый, ни

разу ты не герой! Воевать любой может, а вот жить после — это как раз подвиг настоящий! А ты что себе позволяешь?

Мужчина медленно повернул голову, словно не веря ушам своим, и удивленно спросил, как только Нина сделала паузу в своем монологе:

— Вы почему так кричите?

— Да мало ли! Я карточку не видела. Может, у тебя еще и контузия. Иначе бы мать услышал, хотя она у тебя тоже не тихая, как я заметила.

Голос ее звучал уже спокойнее, и мужчина разглядывал ее так внимательно, что Нина, суровая Нина, даже слегка поежилась.

— Странно! — задумчиво сказал, наконец, мужчина.

— Что?

— Вы первая, кто со мной здесь не миндальничает.

— Обойдешься! Вставать когда думаешь?

— А зачем?

— Надо! — отрезала Нина.

И почему-то это ее коротенькое: «Надо!» стало отправной точкой к выздоровлению Алексея.

Это потом его мать, Зоя, расскажет, как почти две недели после потери связи не знала, где ее сын, и искала его по всем возможным каналам, подняв на уши бывших сослуживцев мужа. Как ушла от Алексея жена, узнав, что ранения его тяжелые и он на всю жизнь останется инвалидом. Как прервала она беременность, а потом рассказала об этом, придя в госпиталь и популярно объяснив мужу, зачем это сделала. Как не ответила на вопрос бывшей уже свекрови, для чего все это ей понадобилось. И как Алексей, зажав в зубах подушку, кричал так, что белки глаз стали вдруг ярко-алыми, а слезы перестали приходить, словно высохнув на годы вперед от невозможности происходящего.

— Он дважды возвращался целым и невредимым, а в этот раз... Не хранила его любовь, видимо... Потому, что не было ее уже... И некому, кроме меня, было за него молиться...

Нина тогда удивленно глянула на эту женщину, которая так спокойно призналась в том, что верит во что-то большее, чем теория эволюции.

— Что, милая? Думаешь, что я с ума сошла? Нет. Знаю, что слышит меня небо. Иначе не вернуло бы мне сына. Пусть и такого. Зато — живой. А остальное... Время покажет.

Нина на время надеяться не стала. Алексея она поднимала, сама пока не понимая, зачем это делает. Ведь у нее была семья, был муж и своя, непростая и совсем невеселая жизнь. Болела мать, не получалось завести ребенка, а время безжалостно торопило, напоминая о возрасте при каждом взгляде в зеркало.

Когда «ее» пациент выписался, Нина обняла на прощание Зою и решила, что все закончилось. Алексей жив, а это главное. Дальше уже Зоя справится, а у нее, Нины, есть свои заботы.

Но все это оказалось лишь началом. Спустя полгода от Нины ушел муж, заявив, что устал ждать. И что он, вполне еще молодой и здоровый, нашел себе другую спутницу, которая ждет уже от него ребенка. А тратить свое время на «пустоцвет» он больше не готов.

А потом, спустя еще месяц, не стало мамы, и Нина с, одной стороны, потерялась в своем одиночестве, а, с другой стороны, выдохнула, потому что не было больше бессонных ночей и боли самого близкого человека, которую пропускаешь через себя всю до капельки, желая только одного — чтобы это поскорее закончилось и пришел покой. Не себе его желая, а тому, кому плохо...

Алексей появился перед госпиталем на следующий день после сороковин, как только узнал от Зои обо всем. Нина взглянула на него, стоявшего так прямо и спокойно, а потом кивнула молча, и они пошли к воротам, без слов все понимая и не желая разрушать, такую хрупкую пока, обоюдную надежду.

Расписались они очень тихо, не устраивая никаких торжеств, а потом уехали на Валаам, где давно хотели побывать оба. И именно оттуда «привезли» своего сына. Нина, которая не поверила сначала врачам, трижды пересдавала анализы, прежде чем убедилась, что ее мечта стала реальностью.

Они жили дыша друг другом. Найдя, наконец, того, с кем рядом было тепло и спокойно, до потери этого дыхания боялись упустить позднее свое счастье.

Сын рос, радуя родителей своими успехами, и Нина с Алексеем глазом моргнуть не успели, как их мальчик стал офицером и уехал к месту службы. Они остались одни. Именно тогда в маленькой их семье появился Чарлик, и Нина, отчаянно тоскующая по сыну, немного успокоилась.

Когда пришла весть о том, что сын женится, Алексей опасался, что жена покажет характер, ведь будущую невестку они ни

разу не видели и знать не знали, что она из себя представляет. Но Нина и тут удивила мужа. Обегав все ювелирные в городе, она не нашла, что хотела, и, перерыв кучу каталогов, нашла мастера, который сделал на заказ два комплекта из кольца и серег. Эти украшения Нина повезла в качестве подарка будущей своей невестке и ее матери, которая жила в том же городе, где обособился ее сын.

— Ниночка, невестке — понимаю, а зачем ее матери такой дорогой подарок? — Алексей разглядывал приготовленные бархатные коробочки.

— Затем, мой дорогой, что эта женщина теперь заменит меня рядом с мальчиком. Я хочу, чтобы она понимала — я ей доверяю и прошу о помощи.

Подарок будущая сватья оценила, но он оказался совершенно ни к чему. Зятя своего она и так приняла как сына сразу и безоговорочно. Дочь Зина поднимала сама, рано овдовев, и вложила в нее всю свою душу и сердце, надеясь сделать свою девочку счастливой. И когда поняла, что ее желание полностью совпадает с желанием зятя, сделала все, чтобы «дети» поняли — она рядом. И их счастье — это ее счастье тоже.

С Ниной они общий язык нашли как-то сразу и без лишних вопросов. И до самого ухода из жизни Нины общались очень тесно, став по-настоящему близкими подругами.

Ниночку свою Алексей Иванович потерял спустя всего год после того, как родилась их вторая внучка. Недомогание, которое она поначалу гнала от себя, не принимая всерьез, вылилось в серьезное заболевание, не оставившее ей шанса остаться рядом с любимыми. Она ушла тихо и быстро, стараясь не жаловаться, чтобы не беспокоить мужа и сына. Лишь перед самым уходом долго писала что-то, складывая в коробку, которую поставила на тумбочку у своей кровати. А после того как ее не стало, Алексей нашел в этой заветной коробке, в которую при жизни жены даже заглядывать боялся, письма, адресованные ему, сыну, невестке, Зине и обоим внукам. Каждому из них Нина оставила свой привет и с каждым распрощалась вот так, оставив после себя на память кривоватые строчки, дышащие такой нежностью и любовью, что становилось легче дышать.

От Нины остались эти письма и Чарлик, ради которого Алексей Иванович вставал каждое утро и шел на прогулку, за-

ставляя себя держаться. Сын звал к себе, но Алексей отказывался, не желая оставлять дом, где был так счастлив с Ниной, и опасаясь, что Чарлик, который безмерно тосковал по хозяйке, не выдержит переезда.

Так и жили они — человек и собачка, держась друг за друга и стараясь скрасить одиночество тому, кто тосковал рядом.

И когда Алексей проснулся как-то утром, понимая, что совершенно бессовестным образом проспал, а Чарлик не отзывается, тоска ударила его с такой силой, что он понял — пора что-то менять. Пора туда, где его ждут. Где просят его помощи уже давно, ведь в семье сына вот-вот появится еще один ребенок, и Зина уже не справляется с таким количеством внуков.

Именно в тот день Гриша и увидел Алексея Ивановича, который сидел на скамейке во дворе, стараясь понять, как продержаться до того времени, как приедет сын, чтобы забрать его к себе.

— Чарлика больше нет, Гриша.

— Вы поэтому так грустите?

— Да. Мне жаль, что я остался совсем один.

— Почему один? Вон, сколько людей рядом!

— Это все чужие люди, Гриша. У них своя жизнь, а у меня своя. Кто из них вспомнит, что я был здесь, когда я уеду?

— Вы неправы. Тетю Нину все помнят. Даже я. Хотя она мне болючие уколы делала. Помните? Когда я болел? — Гриша заерзал по лавочке, а Алексей слабо улыбнулся. — Она добрая была. И я всегда буду помнить, как она мне сначала конфету давала, а потом укол делала.

— Да... Ты прав. После нас остаются наши дела... — Алексей Иванович вдруг замер, о чем-то размышляя, а потом встал и подал руку Грише. — Спасибо! Ты мне напомнил об одной очень важной вещи и научил сейчас другой.

— Как это?

— Напомнил, что нужно думать не только о себе. Ведь так всегда делала моя Ниночка. А научил тому, что даже когда очень плохо, можно сделать что-то для других. И как знать? Может быть тогда станет легче? Эту теорию нужно опробовать. И именно этим я собираюсь заняться.

Приводя свои дела в порядок, Алексей Иванович параллельно начал зачем-то покупать стройматериалы, а потом сходил к своему приятелю сварщику, и скоро во дворе закипела работа.

Красивая беседка выросла в центре двора всего за две недели. Просторная, с лавочками, установленными возле нее, она стала для всех местом, где можно было провести время. Днем здесь играли дети, а вечерами собирались взрослые. В этой беседке мамы украшали столбики воздушными шарами, накрывали стол и праздновали дни рождения детворы. А старшее поколение устраивало турниры по шахматам и домино, азартно болея за финалистов на весь двор.

И никто не заметил поначалу, что Алексей Иванович куда-то запропал, ведь Чарлика выводить ему уже было не надо. И соседи уже не искали невольно глазами странную пару, чтобы поздороваться, когда выходили во двор. А когда кто-то спохватился и начал расспрашивать, то Гриша, пожав плечами, сказал, что Алексей Иванович уехал к сыну. И на охи и вздохи бабушки и ее подруг, сетовавших на то, что попрощаться бы все-таки не мешало и как-то не по-людски это, уезжать вот так, махнул рукой в сторону беседки:

— Оставил о себе вам на память. Разве мало?

Беседка эта простоит много лет. И когда молодой, но очень талантливый скрипач, в котором старожилы узнают-таки Гришу, приедет, чтобы навестить свою старенькую уже, но еще очень бодрую бабушку, он проведет по чуть разохшимся перилам руками, присядет на лавочку и поздоровается шепотом с ней, как со старым другом:

— Привет! Помнишь меня? А Алексея Ивановича? Хороший был человек, правда?

БУЛЫЖНИК

— Булыжник ты, Сергеев! Самый настоящий! Каменюка бесчувственная! Есть в тебе хоть что-то человеческое? Да, о чем я вообще?! Нет и не было никогда! У тебя же на уме только работа и деньги! Больше ничего! Никто тебе не нужен! Ни жена, ни дети!

— Лен, у нас нет детей.

— А могли бы быть! Все из-за тебя! Я давно родила бы, если бы чувствовала, что рядом мужчина, на которого можно опереться! А ты? Только о себе и думаешь! Все! Хватит с меня! — Елена швырнула в чемодан очередную «тряпочку» и разрыдалась. — Я так тебя любила! Больше, чем кого бы то ни было! А ты...

— Я. Тебя. Любил.

Сергеев стукнул кулаком по стене бывшей супружеской спальни и вышел из комнаты.

Собственно, супружеской спальня перестала быть уже довольно давно. Елена, сославшись на то, что муж храпит просто безбожно, «отселила» супруга в кабинет.

— Так и тебе спокойнее будет, и я смогу выспаться. Ты же хочешь, чтобы я была молодой и красивой? А у меня после такого отдыха под глазами два мешка с картошкой! На косметологов не напасешься, Сергеев!

Расходы на косметолога меньше не стали, но спал теперь Сергеев в кабинете. Помаявшись пару ночей на неудобном кожаном диване, он съездил в мебельный и купил себе вполне приличный новый. Размер нового ложа позволял вытянуться

во весь немаленький Сергеевский рост, а не сворачиваться калачиком, вспоминая далекое детство, когда мама, укрывая маленького Сашу, причитала:

— Сынок, что ж ты так свернулся? Прямя кренделек! Тебе же неудобно!

Насчет удобства мама была неправа. Лучшей позы для сна Сергеев для себя так и не придумал. Он до сих пор, засыпая, сворачивался калачиком. Но читать перед сном или смотреть свои любимые комедии предпочитал, вытянувшись во весь рост. Именно поэтому кровать в его спальне была сделана на заказ, ведь найти готовую, где он поместился бы со своими двумя метрами с хвостиком, Сергеев так и не смог.

Девушка-консультант в мебельной фирме, где Сергеев заказывал свое ложе, восторженно ахнула, глядя на него:

— Богатырь! Вы просто из сказки пришли к нам!

Что ответить ей, Сергеев так и не придумал. Он просто покраснел, как было всегда, когда на него обращали внимание красивые девушки, и поспешил ретироваться, наскоро оплатив заказ и даже не уточнив, какого цвета должна быть кровать.

Впрочем, девушка оказалась весьма толковой, и гарнитур для спальни его вполне устроил.

Но теперь в этой спальне царила Елена, а ему пришлось искать для себя другие варианты. Дом у Сергеева был не слишком просторный, но продуманный до мелочей. Строил он его для себя, когда еще даже не думал жениться. Поэтому в доме было всего две спальни и кабинет, большая гостиная и кухня. Поскольку вторую спальню Елена после свадьбы оборудовала для приезда гостей и заходить туда Сергееву было строго запрещено, пришлось ютиться в кабинете.

Впрочем, Сергеев, как и его кот, Васечкин, не слишком печалились по этому поводу. Первому давно надоело выслушивать претензии в свой адрес, а второй просто терпеть не мог Елену.

Она мечтала избавиться от кота с тех самых пор, как появилась в доме.

— Не терплю кошек! Лучше собаку заведем. Большую!

— А Васечкина куда? — Сергеев смотрел на забившегося в угол кота. Взгляд кота не сулил Елене ничего хорошего.

— Пристрой куда-нибудь.

— Нет.

Голос Сергеева прозвучал очень спокойно, но Елена почему-то дернулась. Это был первый раз, когда этот мужчина посмел ей перечить. До этого момента все шло как по нотам. А тут — на тебе! Возражает! И из-за чего?! Тьфу ты, из-за кого? Из-за кота?! Странно...

Откуда же было знать Елене, что Васечкин появился в жизни Сергеева как раз тогда, когда все готово было пойти как раз «коту под хвост». Сначала не стало мамы... А потом дело, которое успешно развивалось до поры до времени, вдруг стало вместо прибыли приносить одни проблемы, а те, кто захотел отобрать его у Сергеева, были настырны и совершенно ничего не боялись. Однажды Сергеева даже подкараулили в подъезде, но навредить ему не смогли. Сказалась многолетняя мамина закалка. Не зря она гоняла сына на тренировки и искала лучших тренеров в городе. Медали и кубки она расставляла потом по всей квартире и улыбалась так, что Сергееву казалось, что по дому, нежно пульсируя и переливаясь всеми цветами радуги, разливается счастье. Ради этой улыбки Сергеев был готов на все. Он выходил на ковер и улыбался противнику, понимая, что вот-вот и его коллекция кубков пополнится, а мама снова рассмеется и скажет:

— Родила богатыря себе! Сыночек, ты у меня такой сильный! Весь в отца!

Отца своего Сергеев никогда не видел. Тот был летчиком-испытателем и разбился, выполняя очередной контрольный полет. Большая фотография, висевшая теперь в кабинете Сергеева, была единственным свидетельством того, что родитель его существовал. Впрочем, присутствие отца в своей жизни Сергеев ощущал постоянно. Мама не уставала повторять, как они похожи, и столько рассказывала об их с отцом недолгой семейной жизни, что Сергеев точно знал — вот такую семью он хочет. В которой люди не просто любят друг друга, а вырастают в свою «половинку» так, что никакие обстоятельства, будь то даже долгая разлука, не могут изменить того факта, что с любимым все движется и все существует.

Мама у Сергеева была очень красивой женщиной, но так и не устроила больше свою жизнь. Она растила сына, и Сергеев не раз слышал, как она тихонько шепчет, разговаривая в ночи с тем, кого давно уже нет рядом:

— А Сашенька меня только радует, Митя! И тебя бы порадовал! Копия твоя! Такой же тонкий, нежный, ласковый и очень сильный. Спасибо тебе...

Став старше, Сергеев не раз задавал маме вопросы о том, тяжело ли ей одной. Но каждый раз в ответ слышал:

— Разве я одна, сынок? У меня ты есть! Как я могу быть одинока? А мужчины... После твоего отца лучшего не будет, а зачем жить с человеком, просто чтобы жить? Он ведь тоже не каменный, правда? Его любить надо. А я уже не смогу... Все папе твоему досталось...

Сергеев все это слушал и понимал, что есть что-то такое, чего ему пока не понять. Любовь это или что-то большее, определить было сложно, но он точно знал, что если встретит ту, которая вот так же как мама решит, что он для нее единственный, то никакие горы-косогоры будут ему уже не страшны.

Мама Сергеева очень ждала, когда он устроит свою личную жизнь. Мечтала о внуках, но так и не дождалась. Один за другим два инфаркта подряд унесли жизнь той, что была для Сергеева светом.

В тот момент ему показалось, что мир сошел с ума и просто остановился. Все словно замерло вокруг в томительной духоте. Он что-то делал, куда-то шел, решал какие-то вопросы, но в то же время ему казалось, будто он стоит на месте, никуда не двигаясь, и просто наблюдает, как все вокруг погружается в темноту.

Из этой темноты его вытащил как раз Васечкин.

Смешная вихрастая девчонка просто сунула котенка в руки Сергееву, который выходил из метро, и убежала, одарив его напоследок широкой улыбкой, в которой вдруг мелькнуло что-то мамино. Сергеев замер, не веря глазам своим, а когда опомнился, то уже стал хозяином маленького, изъеденного блохами комка, который жалобно мяукал и жался к его ладони.

Потом он часто думал, что было бы, не сломайся у него в тот день машина. Ведь в метро он ездил редко и вряд ли встретился бы с Васечкиным в другом месте.

Имя для кота пришло само собой. В детстве он очень любил фильм о двух неугомонных друзьях. Мама говорила, что он очень похож на Петрова. Такой же спокойный, надежный, мечтательный. А ему самому до чертиков хотелось походить на Васечки-на — смелого, немного безрассудного и в то же время сильного.

Почему-то темные большие глаза котенка напомнили ему любимого героя, и кот стал Васечкиным. Со временем имя сократилось до «Васи», но Сергеев всегда помнил, в честь кого назван хвостатый друг, который вернул в его жизнь каплю света. Капля эта была малой, но она дала ровно столько, сколько нужно было, чтобы снова разглядеть дорогу у себя под ногами. И Сергеев медленно, но верно пошел вперед.

Васечкин через пару лет превратился в полосатого валяжного здоровяка, чем-то напоминающего самого Сергеева. Теперь это был мощный, крупный кот типичной дворянской породы, но нес он себя, как и хозяин, с достоинством и никому не позволял с собой фамильярничать. Так было до тех пор, пока в доме не появилась Елена.

С Сергеевым Елена познакомилась случайно. Вообще-то, она никогда и ничего не делала спонтанно. Высокого, по-своему красивого мужчину она заприметила, когда тот приехал на какую-то деловую встречу в ресторан, где Елена работала администратором. Поразмыслив, она решила, что вариант не плох, и решила действовать. Дальше все было делом давно отработанной техники. Елена дважды до Сергеева успела побывать за мужем. И хотя оба ее брака продлились совсем недолго, считала себя женщиной опытной и способной дать мужчине то, что ему нужно.

Не особо искушенный в любовных делах Сергеев на ее уловки попался сразу. Хрупкая, нежная Леночка словно создана была для того, чтобы желание защищать и оберегать ее просыпалось в мужчине после первой же встречи.

Точно рассчитав время сближения, ведь по математике у Леночки всегда была круглая «пятерка», уже через полгода она стала Сергеевой и принялась вить семейное гнездышко в доме мужа.

Задача эта оказалась непростой и со многими переменными. Начиная с кота и заканчивая мужем, который по факту оказался тем еще увальнем.

Лена, будучи девушкой современной и выросшей в семье, где ее интересы всегда ставились во главу угла, а мама с папой души не чаяли в дочери, никак не могла привыкнуть к тому, что приходится считаться с кем бы то ни было.

Поначалу это был Васечкин.